

УДК 130.2
DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.183191

МЕДИАКИЛЛЕРСТВО КАК ГНОСТИЧЕСКАЯ ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА

Цуканов Евгений Александрович,

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
доцент кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ,
кандидат филологических наук,
Санкт-Петербург, Россия,
E-mail: tsukanov_1975@inbox.ru

Аннотация

В работе делается попытка обнаружения точек соприкосновения между внешне такими непохожими дискурсивными практиками, как: гностицизм, журнализм и медиа. Автор утверждает, что линия соприкосновения между ними пролегает в смысловом пространстве феномена медиакиллерства, завоевавшего популярность в России в последние десятилетия. Статья посвящена детальному разбору творчества наиболее одиозных отечественных медиакиллеров-гностиков – Владимира Познера, Александра Невзорова и Сергея Доренко.

Ключевые понятия:

медиа, медиакиллерство, журналистика, гностицизм, гностификация СМИ.

С развитием медиа социальный организм постепенно начинает приспосабливаться к тем явлениям, которые в пространстве реальной жизни едва ли прошли бы элементарный тест на легитимность. Это, на наш взгляд, связано как с особой, знаково-символической природой медиа, их принципиальной выделенностью и вынесенностью за пределы реала в область человеческого грез и фантазий, так и с заметным ослаблением критического мышления массовой аудитории, готовой на почве отмирания рефлексии теперь принять без анализа любую яркую вещь. Одним из таких абсолютно неприемлемых в невымышленной действительности и вполне себе допустимых в случае с медиа-универсумом явлений современности стала весьма специфическая практика медиакиллерства.

В научной среде о медиакиллерстве принято говорить в основном в метафорическом смысле, представляя его в качестве идеального инструмента решения проблем, прежде всего имиджевого порядка: «Метафора медиакиллер, – пишет, к примеру, Т.П. Тарасенко, – номинирует сотрудников СМИ, выполняющих оплачиваемые политические заказы на дискредитацию репутации личности, их специализация – поиск документов, подготовка публикаций, которые вызывают, как правило, негативный резонанс. Медиакиллеры убивают, ликвидируют не тело, а дух, т. е. имидж» [18, с. 168]. Само понятие происходит от англ. media – СМИ и killer – убийца [19, с. 258–259]. Есть среди исследователей и авторы, склонные рассматривать медиакиллерство в институциональном аспекте [7, с. 43], хотя, конечно, надо признать, что специалистам в области ведения медиа-войн в основном приходится действовать в режиме экспромта. Для нас интересно и то, что, как отмечает А.А. Мухин, «медиакиллерами» могут быть не только журналисты, но и издания» [7, с. 52].

На наш взгляд, медиакиллерство сегодня предстает как дискурсивная практика. Припомним, что дискурс есть «сложное единство языковой практики и внешних к ней факторов <...> Дискурс – прежде всего, это речь, погруженная в жизнь, в социальный контекст» [10, с. 148]. Дискурсивная практика, в свою очередь, с подачи М. Фуко, изучавшего «историческое бессознательное» различных эпох через речевые акты людей, в которых кодируется система предписаний и запретов, влияющих на обладание властью в обществе [5, с. 78], определяется то как фоновое (неэксплицированное) знание и умение, то как конкретная деятельность, соединяющая слова и действия [6, с. 230]. Более обстоятельное определение дискурсивной практики дает Л.В. Куликова: «...это социально устоявшиеся, конвенциональные и артикулируемые в речи действия по решению рекуррентных коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве в сферах институционального и неинституционального общения» [2, с. 10]. Добавим, что дискурс, к тому же, соответствует принципу синхроничности, согласно которому возможно одновременное рассмотрение взаимосвязанных сторон сложных объектов [14, с. 21]. Специфическим качеством дискурсивных действий служит их фоновый характер и «раскрывающая» способность [6, с. 230]. Подобный расклад дает нам возможность серьезнейшим образом углубиться в скрытую суть изучаемого явления с целью обнаружения в нем неожиданных характеристик, трансцендентально роднящих медиакиллерство с кантианской «вещью в себе» [12, с. 394].

Несомненно, что как дискурсивная практика медиакиллерство функционирует в лабиринте уходящего в бесконечность множества культурно-исторических, религиозных и даже мифологических контекстов, которые, надо признаться, с большей или меньшей силой, но всегда определяют как интенсивность этого вида информационной работы, так и ее эффективность. Настаиваем, что подлинные глубины данной репрезентативной деятельности можно обнаружить лишь за счет философского пронидания и погружения до уровня ее онтологического дна, ибо, как писал Л. Витгенштейн, наиболее важные для нас аспекты вещей скрыты из-за своей простоты и повседневности, их не замечают, потому что они всегда перед глазами [1, с. 129]. Вообще медиакиллерство как таковое уже на дальних подступах представляется куда более значительным, чем оно есть

на самом деле, что естественно переживается как источник инвестигейстерского волнения.

Мы ранее уже писали о парадоксально прочном изоморфизме между такими исторически удаленными друг от друга социокультурными феноменами, как гностицизм, журнализм и медиа [22, с. 85–89]. В рамках данной статьи стоит лишь кратко обрисовать общий профиль гностического учения, чтобы осуществить продуктивный поиск отношений эквивалентности в дискурсивном поведении гностиков и современных медийщиков-киллеров.

Под гностицизмом обычно принято понимать интеллектуально-мистическую традицию, возникшую в I–II вв. н.э. на Ближнем Востоке как оппозицию христианской ортодоксии на фоне кризиса античного мировоззрения и общей разочарованности формирующейся новой картиной Бытия. Гностикам она была непонятна и чужда. Св. Епифаний Кипрский зарегистрировал несколько десятков гностических деноминаций, среди которых выделяются офиты, борбориты, николаиты [20]. Наиболее авторитетными гностическими учителями были Сатурнил, Василид и Валентин. Фрондируя общественное мнение, гностики подчас избирали для почитания весьма отвратительных inferнальных персонажей, к примеру, библейского Змея Искусителя. Он стал для них подлинным спасителем человечества, давшим истинное знание (гнозис).

Гностики рисовали мир в мрачных тонах, считая, что он создан ненастоящим божеством и вследствие этого представляет собой ошибку, которую необходимо исправить [21, с. 99], применяя весьма деструктивные техники социальной инженерии. Гностики, как пишет на эту тему Мирча Элиаде, были невысокого мнения об абсолютном большинстве людей (соматиках), за исключением избранных (пневматиков), к коим они относили себя. Только пневматики обладают спасительным гнозисом. Из-за суетности большинства необходимо, чтобы это учение сохраняло свою эзотеричность. Гностик чувствует себя свободным от законов, управляющих обществом: он находится по ту сторону добра и зла [23, с. 315].

Проникновение элементов гностического учения в ткань журнализма и медиа стало возможным, когда сложились технологические и финансовые условия для массовой информационной деятельности. Вначале относительно небольшой и слабозаметный тренд огностичивания медиа в XX веке превратился в лавинообразный поток, захлестнувший всю международную медиаиндустрию. Что касается постсоветской России, то в начале 1990-х гг., в отечественную журналистику пришла целая плеяда искренних сокрушителей и фанатичных ниспровергателей советского строя, чья благородная, как казалось, миссия заключалась исключительно в том, чтобы доломать отживающую советскую систему до основания. Среди наиболее известных фигур медиа-гностиков того времени, чья карьера пошла на взлет по причине избрания непримиримой стратегии медиакиллерства, принесшей определенную славу и популярность, – А. Невзоров, А. Любимов, В. Познер, Д. Быков, А. Венедиктов, М. Леонтьев, С. Доренко.

Сейчас, через четверть века, многие из них по инерции продолжают «мочить» систему, только уже путинскую, реализуя гностические дискурсивные установки в статусе далеких наследников Василида и Сатурнила. Постепенно, как полагается, сформировалась традиция медиаработы в координатах логики

распада, которая неосознанно воспринимается и приветствуется общественным мнением как «правдорубство», тогда как на самом деле она банально пронизана мировоззрением нездорового мрачного скепсиса, по-гностически злобствующего на бытие вообще.

Для обоснования выдвигаемых здесь положений совершим минимально возможный в ограниченных рамках настоящей статьи дискурс-анализ творчества трех медиакиллеров, вошедших в наш список, – В. Познера, А. Невзорова и С. Доренко. Мы отобрали их по степени одиозности, т. е. дословно – умения вызывать неприязненное отношение к себе, хотя, зачастую, и не без личного обаяния.

В. Познер, признанный мэтр российской телевизионной журналистики, в своих выступлениях иногда сбрасывает джентльменский лоск и проговаривается о том, что его главное амплуа – быть расчетливым троллем. Так, однажды, в передаче «Час интервью» на канадском телевидении он в ответ на недоумение ведущего Григория Антимони, почему нужно с таким упорством вызывать раздражение своим космополитизмом у левых, правых и всех вообще, честно и беззастенчиво ответил: «А мне все равно» (48-я минута диалога) [3].

Уже на старте разговора в студии программы «Не верю» (Часть I) на ТК «Спас» В. Познер не без вызова заявляет, что Бога нет и он атеист. Атеизация его сознания связывается с убежденностью в жестокости Бога-Ягве, который регулярно устраивает людям нелогично-свирепые «кровавые бани» (с 4-й мин.). Собственно подобная негативистская позиция в отношении неправильного и злого Бога-Творца и называется среди исследователей гностицизмом, что не может не накладывать определенного отпечатка на профессиональную деятельность человека. Интонацией, осанкой, жестикуляцией, каскадами каверзных вопросов в студии своей программы В. Познер словно бы учит, что мир, в котором мы живем, подозрителен, и счастлив тот, кто это знает и понимает. Основная задача журналиста-гностика – неуклонно разоблачать ложь и максимально транслировать правду, какая бы она чудовищная ни была. Заметно, что обида на Бога у В. Познера переросла в саркастическое отношение к любому собеседнику и оппоненту, и именно гностицизм является для него главной мотивацией. Думается, не случайно, в конце концов, В. Познер отыскал максимально комфортную для себя идейно-психологическую нишу в философском наследии экзистенциализма, став его приверженцем [11]. Вкратце напомним о деструктивных особенностях этой философской традиции через цитату из базового для экзистенциалистов произведения Ж.П. Сартра «Тошнота»: «Что-то начинается, чтобы прийти к концу: приключение не терпит длительности; его смысл – в его гибели. К этой гибели, которая, быть может, станет и моей, меня влечет неотвратимо» [16, с. 55]. Приведем также пессимистически-неутешительный отрывок из автобиографической повести «Слова» того же Ж.П. Сартра: «Я осуждал людей за то, что они ничтожные. Род человеческий был в моем представлении узким кружком избранных, окруженных стадом преданных животных» [15, с. 58].

Вспомним также скептические познеровские фразы о догматах веры, вроде следующих: «Непорочного зачатия не бывает. Это я Вам как биолог скажу» (17-я мин.), «Мне смешотворно то, что Бог за семь дней создал всё. Я задаю всегда неприличный вопрос: зачем Богу создавать клопов?» (32-я мин.), «Если после смерти я все-таки встречу Бога, то я спрошу Его, как Вам не стыдно?

Посмотрите на то, что Вы создали. Посмотрите на эти страдания бесконечные. Вы не несете никакой ответственности за это?» (Часть 2. 36–37-я мин.). Подобные пассажи отчетливо выдают в дискурсе Познера элементы гностического мировоззрения. В общем, наверное, стоит согласиться со С. Смирновым, который назвал манеру тележурналиста В. Познера «удовольствием Герострата» [17, с. 444], а также «неугомонным либидо вечной революции», которое выражается в том, чтобы везде и всегда расшатывать и разрушать <...> снижая выдающиеся всемирно-исторические явления [17, с. 445]. Показательным и говорящим в этом контексте выглядит название книги В. Познера «Прощание с иллюзиями» [13] – своего рода отчет о проделанной в течение жизни нигилистической работы.

Другой известный медиакиллер-гностик, А. Невзоров, так же как и В. Познер, не очень любит людей, сомневается в ценности окружающего мироздания и ведет активную подрывную информационную деятельность в образе бутафорского Воланда, позволяя себе грубейшие эпатажные выпады в адрес культуры, политики, религии и т. п. А. Невзоров позиционирует себя в медиапространстве как убежденный циник, причем сам цинизм расшифровывается им как искусство называть вещи своими именами [9].

Одной из излюбленных мишеней этой «медиалегенды 90-х» сегодня является история как общемировой процесс и история России, в частности. История, по А. Невзорову, должна немедленно остановиться, чтобы не плодить уродливых людей и явлений. В каждой фразе, посвященной истории, на заднем плане непременно маячит неправильный Бог, который сотворил неправильный мир, и потому он должен быть разрушен.

«Распады больших государств, – с некрофильским задором проповедует А. Невзоров в книге с интригующим названием «Искусство оскорблять», – хороши уже тем, что наряду с различными драмами они предлагают еще и набор первосортных головоломок. Сегодня тоже все идет как по нотам. Свернувшись калачиком, безропотно дохнет рахитичная экономика. Рядышком, уткнувшись в пустые соски, помирают ее «щенята». То есть всякие там иллюзии, науки, надежды, права, дерзновения и законы. Солдафоны, сияя кокардами и шевеля усами, строятся для своего «последнего и решительного» канкана. Их не смущает тот факт, что в XXI веке канканировать придется не под Оффенбаха, а под Гейгера» [8, с. 57].

Приведем еще ряд высказываний Невзорова, свидетельствующих о цинично-гностической стратегии его дискурса.

О музе истории Клио: «По известным причинам ее хотят все, так как всем нужно героическое прошлое. Три тысячи лет непрерывных изнасилований изменили характер «девочки со свитком». Клио научилась по шелчку пальцами принимать нужные позы. А в зависимости от глубины пенетрации – издавать оргазмические крики в соответствии с пожеланиями насильника» [8, с. 58].

О Боге: «Есть много различных способов обнажить пикантный факт богоотсутствия. Но универсальной способностью расставить точки над *i* в этом вопросе обладает лишь хорошее, сочное кошунство» [8, с. 60].

О людях: «Каждая новая эпоха стремилась глупостью затмить предыдущую» [8, с. 14]. И еще: «От человека скрыты как минимум три четверти важнейших явлений природы. Он схож со слепым и глухим дурачком в Диснейленде, над которым разрываются фейерверки и все вокруг сверкает, горланит, гремит

и пляшет. А наш дурачок уверен, что бредет в тишине, по серому, пустому коридорчику клиники. По сравнению с истинной картиной мира наше пространство бесцветно и примитивно» [8, с. 15].

Понятно, что эпоха Невзорова, по большому счету, закончилась с прекращением проекта «600 секунд», который когда-то вошел даже в книгу рекордов Гиннеса. Однако вызывают опасение попытки реанимации деструктивного образа телезвезды в гностическом формате в современном медиапространстве, косвенным свидетельством чего служит появление Невзорова на YouTube-канале у модного сегодня Ю. Дудя.

Третьим в нашем списке медиакиллеров РФ значится С. Доренко, который сам о себе неоднократно заявлял, что именно он, благодаря своей информационной кампании против Ю. Лужкова и Е. Примакова в конце 90-х гг., привел к власти нынешнего президента В. В. Путина. Эта кампания велась несколько месяцев в аналитической «Авторской программе Сергея Доренко» в период с сентября 1999 г. по сентябрь 2000 г. на ОРТ. «Я, между прочим, – свидетельствует наш герой в интернет-шоу у Юрия Дудя, – завалил президента России и поставил нового, и после этого мне устроили уголовный процесс» (47-я мин.) [4]. Что же из себя представляет телеведущий Доренко с точки зрения дискурсивной гностической практики?

Начнем с того, что заветная мечта С. Доренко – преодолеть библейское проклятие, когда Бог наказал Адама за грехопадение трудом: «Вот это вот в поте лица своего (один чувак сказал), и я думаю на хрен бы оно надо» (7-я минута). С. Доренко с гордостью объявляет себя «первохулителем», рассуждает о величественном дыхании декаданса (5-я мин.), учит, что «жизнь – абсолютно бессмысленная хрень», и что жить нужно полностью «по приколу» (75-я мин.). Совсем под занавес беседы С. Доренко, не смущаясь, обобщает сказанное с пренебрежительным вызовом: «Я мизантроп и социофоб. Я никого не уважаю, а сто сорок шесть миллионов идут в топку, кроме пары друзей» (75–76-я мин.). Из менее существенных реплик воинствующего медиакиллера отметим то, что С. Доренко «не чадолюбив» (42-я мин.), «сын военного и хочет войны» (55-я мин.), «из журналистов ценит только новостников, типа А. Венедиктова» (59-я мин.), Россию видит «как суку в хорошем смысле» (11-я мин), исповедует даосизм (73-я мин.), а совесть полагает уделом дураков (72-я мин.).

Говоря о медийной деятельности В. Познера, А. Невзорова и С. Доренко, связанной с медиакиллерством, следует также констатировать, что каждый из них – человек, в целом, незаурядных коммуникативных способностей, обаяния, импозантности. Но есть еще одно качество, которое выделяет их на общем фоне – назовем его тягой к эпатажу, жадной трансгрессии – нарушения общепринятых норм и границ. Данное качество роднит наших героев-гностиков с первобытными шаманами и магами, отвечавшими за связь племени с трансцендентным миром, который, мог состоять как в дружественных, так и во враждебных отношениях с миром повседневности.

Теоретическое осмысление современного медиа в контексте гностического мировоззрения позволяет нам говорить о существовании такого информационного феномена, как гностифицированные медиа, сущность которых выражается, в том числе, и через такое явление, как медиакиллерство. По сути своей медиакиллерство есть информационное покушение на стабильно-устойчивый

универсум, в котором порядок доминирует над хаосом. Есть ощущение, что после того, как мы вступили в эпоху медиакиллерства, человечество серьезно приблизилось к концу истории. Перефразируя одного из лидеров Франкфуртской критической школы, автора «Негативной диалектики» Т. Адорно, скажем, что после Доренко с Невзоровым чувство противится утверждению позитивности наличного бытия, видит в нем только пустую болтовню. Эсхатологически это может переживаться как наступление эры пост-медиа, которые уже не связывают мироздание, как это им и положено, но, наоборот, рвут его на части.

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 612 с.
2. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: монография. – Красноярск: Сиб. Федер. ун-т, 2015. – 182 с.
3. Интервью В. Познера программе «Час Интервью с Григорием Антимони» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=CLd1uY6PurU> (дата обращения: 01.09.2018).
4. Интервью Сергея Доренко в интернет-шоу «вДудь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/channel/UCMCGOm8GZkHr8zJ617_hIuA (дата обращения: 01.09.2018).
5. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения). – INTRADA, 2001. – 382 с.
6. Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета, 2011. – С. 227–232.
7. Мухин А.А. Информационная война в России: участники, цели, технологии. – М.: Издательство «Гном и Д», 2000. – 256 с.
8. Невзоров А. Искусство оскорблять. – М.: АСТ, 2016. – 320 с.
9. Невзоров А. Краткая история цинизма. – М.: АСТ, 2010. – 319 с.
10. Новейший философский словарь. Постмодернизм. – Мн.: Современный литератор, 2007. – 816 с.
11. Открытая лекция Владимира Познера о журналистике в пресс-центре РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/society/20130526/939573538.html> (дата обращения: 01.09.2018).
12. Ойзерман Т.И. Вещь в себе // Новая философская энциклопедия. – 2-е изд., испр. и допол. – В 4 т. – Т. I. – М.: Мысль, 2010. – 744 с.
13. Познер В. Прощание с иллюзиями. М.: Астрель, 2012. – 489 с.
14. Розин В.М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 208 с.
15. Сартр Жан-Поль. Слова. – М.: Издательство «Прогресс», 1966. – 176 с.
16. Сартр Ж.-П. Тошнота: Избр. произведения. – М.: Республика, 1994. – 496 с.
17. Смирнов С.В. Времена лжи с Владимиром Познером. – М.: Изд-во Алгоритм, 2005. – 512 с.
18. Гарасенко Т.П. Медийные метафоры в предвыборном дискурсе как трансляторы лингвоментальной картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. – № 12 (78): в 4-х ч. Ч. 3. – С. 167–170.

19. Тарасенко Т.П. Словарь избирательной кампании. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2016. – 587 с.
20. Творения святого Епифания Кипрского в шести частях. Часть первая // Творения святых отцов в русском переводе. Том сорок второй. – М.: Типография В. Готье, 1863. – 386 с.
21. Цуканов Е.А. Концепция удвоения реальности Н. Лумана: к вопросу о возможности влияния гнозиса на формирование медиатеории // Манускрипт. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 5 (91). – С. 98–101.
22. Цуканов Е.А. Эоническая структура медиа как влияние гностицизма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 2018. – Выпуск второй-А (апрель). – С. 85–89.
23. Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 2. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. – М., 2002.

References

1. Vitgenshtejn L. Filosofskie issledovaniya // Filosofskie raboty. Ch. I. – М.: Izdatel'stvo «Gnozis», 1994. – 612 s.
2. Diskursivnye praktiki sovremennoj institucional'noj kommunikacii: monografiya. – Krasnoyarsk: Sib. Feder. un-t, 2015. – 182 s.
3. Interv'yu V. Poznera programme «Chas Interv'yu s Grigoriem Antimoni» [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.youtube.com/watch?v=CLd1uY6PurU> (data obrashheniya: 01.09.2018).
4. Interv'yu Sergeya Dorenko v internet-shou «vDud'» [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.youtube.com/channel/UCMCgOm8GZkHp8zJ6l7_hIuA (data obrashheniya: 01.09.2018).
5. Il'in I.P. Postmodernizm. Slovar' terminov. – М.: INION RAN (otdel literaturovedeniya). – INTRADA, 2001. – 382 s.
6. Issers O.S. Diskursivnaya praktika kak nablyudaemaya real'nost' // Vestnik Omskogo universiteta, 2011. – S. 227–232.
7. Muxin A.A. Informacionnaya vojna v Rossii: uchastniki, celi, texnologii. – М.: Izdatel'stvo «Gnom i D», 2000. – 256 s.
8. Nevzorov A. Iskusstvo oskorblyat'. – М.: AST, 2016. – 320 s.
9. Nevzorov A. Kratkaya istoriya cinizma. – М.: AST, 2010. – 319 s.
10. Novejsnij filosofskij slovar'. Postmodernizm. – Mn.: Sovremennyy literator, 2007. – 816 s.
11. Otkrytaya lekciya Vladimira Poznera o zhurnalistike v press-centre RIA Novosti [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ria.ru/society/20130526/939573538.html> (data obrashheniya: 01.09.2018).
12. Ojzerman T.I. Veshh' v sebe // Novaya filosofskaya e'nciklopediya. – 2-e izd., ispr. i dopol. – V 4 t. – T. I. – М.: Mysl', 2010. – 744 s.
13. Pozner V. Proshhanie s illyuziyami. М.: Astrel', 2012. – 489 s.
14. Rozin V.M. Osobennosti diskursa i obrazcy issledovaniya v gumanitarnoj nauke. – М.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. – 208 s.
15. Sartr Zhan-Pol'. Slova. – М.: Izdatel'stvo «Progress», 1966. – 176 s.
16. Sartr Zh.-P. Toshnota: Izbr. proizvedeniya. – М.: Respublika, 1994. – 496 s.

17. Smirnov S.V. *Vremena Izhi s Vladimirom Poznerom*. – M.: Izd-vo Algoritm, 2005. – 512 s.
18. Tarasenko T.P. *Medijnye metafory v predvybornom diskurse kak translyatory lingvontental'noj kartiny mira // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2017. – № 12 (78): v 4-x ch. Ch. 3. – S. 167–170.
19. Tarasenko T.P. *Slovar' izbiratel'noj kampanii*. – Krasnodar: Prosveshhenie-Yug, 2016. – 587 s.
20. *Tvoreniya svyatogo Epifaniya Kiprskogo v shesti chastyax. Chast' pervaya // Tvoreniya svyatyx otcov v russkom perevode. Tom sorok vtoroj*. – M.: Tipografiya V. Got'e, 1863. – 386 s.
21. Cukanov E.A. *Koncepciya udvoeniya real'nosti N. Lumana: k voprosu o vozmozhnosti vliyaniya gnozisa na formirovanie mediateorii // Manuscript*. – Tambov: Gramota, 2018. – № 5 (91). – S. 98–101.
22. Cukanov E.A. *E'onicheskaya struktura media kak vliyanie gnosticizma // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke, 2018. – Vypusk vtoroj-A (aprel')*. – S. 85–89.
23. *E'liade M. Istoriya very i religioznyx idej. V 3 t. T. 2. Ot Gautamy Buddy do triumfa xristianstva*. – M., 2002.

UDC 130.2

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.183191

MEDIAKILLERISM AS A Gnostic DISCOURSIve PRACTICE

Tsukanov Evgeny Aleksandrovich,

Saint-Petersburg State University of industrial technologies and design,
Department of Journalism and Technologies of Media,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Saint-Petersburg, Russia,
E-mail: tsukanov_1975@inbox.ru

Annotation

An attempt is made to find points of contact between outwardly such dissimilar discursive practices as: gnosticism, journalism, and media. The author argues that the line of contact between them runs in the semantic space of the phenomenon of mediakillerism, which has gained popularity in Russia in recent decades. The article is devoted to a detailed analysis of the creativity of the most odious domestic mediakiller-gnostics – Vladimir Pozner, Alexander Nevzorov and Sergey Dorenko.

Key concepts:

media, mediakillerism, journalism, gnosticism, gnostifikation of media.
